

Глава 6 – Сердце и душа

Шесть часов спустя Гарри, Рон и Гермиона сели на тот же диван и стулья, которые раньше занимали с Руфусом. На этот раз атмосфера была более расслабленной, Рон поставил ноги на кофейный столик (к большому отвращению Гермионы); Гарри лежит на одном конце дивана, а Гермиона сидит прямо на другом конце. И Рон, и Гермиона выжидающе посмотрели на Гарри. Со своей стороны, Гарри был немного смущен тем, как быстро все произошло.

Вернувшись в Нору из Министерства, Рон и Гермиона поспешно упаковали все, что требовалось, прежде чем отправиться обратно в Терновник. На многие вопросы, полученные от Уизли, особенно от Молли, было дано лишь краткое объяснение. Они пообещали предоставить более подробную информацию при следующей встрече, но намеренно не уточнили, когда это произойдет.

Потратив пару часов на распаковку, трое друзей наслаждались поздним ужином, приготовленным Сьюки. Гермиона собиралась начать обычную обличительную речь о правах эльфов, но Гарри просто сказал «не сейчас», и этого оказалось достаточно. Вместо этого он заказал кувшин тыквенного сока, три стакана и предложил пересесть на более мягкие сиденья.

Теперь, когда они наконец собрались все вместе, Гарри не знал, с чего начать. Он сделал глоток сока и собрался с мыслями.

— Что ж, — начал он, — я полагаю, нам лучше сосредоточиться на предстоящей задаче. Мне удалось отложить это все лето, но я полагаю, что мы должны начать. Беда в том, что я не знаю, как это сделать.

Рон и Гермиона обменялись взглядами, прежде чем последняя заговорила.

— Что ж, Гарри, я кое-что обдумал и думаю, что лучше всего было бы записать то, что мы знаем; что мы думаем, что знаем; и что нам нужно. Например, Дамблдор думал, что Волан-де-Морт разделил его душу на семь частей. Давайте составим список тех, о ком мы знаем, — заключила она, доставая перо, чернила и пергамент.

— Хорошо, это кажется разумным, — сказал Гарри. Он немного сел. — Что ж, мы знаем о кольце и дневнике. Это две части из семи уничтожены, так что нам остается беспокоиться только о пяти. Мы должны предположить, что один из фрагментов остался в Ридdle, так что осталось четыре. Мы также знаем о медальоне Слизерина. Он сделал паузу на мгновение, ожидая, пока царапание пером Гермионы догонит его слова. Дамблдор также думал, что он воспользовался бы чашкой, принадлежавшей Хельге Хаффлпафф; что-то, что принадлежало Рэйвенкло; и Нагини, его змея. Хотя должен признаться, что последние три — чистая спекуляция, насколько я могу судить», — заключил он.

— Хорошо, — ответила Гермиона, — хорошее начало. У нас есть четыре, в которых мы уверены, если мы включим медальон и Риддл; и три мы не уверены. Из четырех, в которых мы уверены,

два уничтожены. Мы можем пока игнорировать Риддла, так как с ним придется иметь дело в последнюю очередь.

Гарри кивнул, наконец, начав полностью осознавать вызов, с которым они столкнулись. — Итак, вы думаете, что мы должны сначала пойти за медальоном? он спросил.

— Абсолютно, — ответила Гермиона. — Это единственный артефакт, на который у нас есть зацепка.

'Вести?' — спросил Рон. «Какая зацепка?»

— РАБ, — ответил Гарри. — Если мы сможем выяснить, кем он — или она — были, у нас есть шанс найти оригинал. Согласно записке, РАБ подменил фальшивый медальон на настоящий».

'В яблочко!' — сказала Гермиона. — И мне кажется, я знаю, кто может помочь нам найти РАБа.

'Кто?' — вместе спросили Гарри и Рон.

«МакГонагалл». Она раздраженно вздохнула, увидев недоумение на лицах подруги. — Послушай, мы знаем, что РАБ должен быть ведьмой или волшебником, верно?

Они кивнули.

— Тогда есть большая вероятность, что РАБ учился в Хогвартсе. Если да, то их имя будет в списках школьников. Если я получу копию у МакГонагалл, возможно, мы сможем выяснить, кто такой РАБ.

— Это блестяще, Гермиона, — сказал Гарри.

Гермиона покраснела. — Спасибо, Гарри. Я напишу МакГонагалл, чтобы узнать, согласится ли она встретиться со мной. Могу я одолжить Хедвиг?

«Возможно, это не очень хорошая идея», — ответил Гарри. «Возможно, будет лучше, если она не будет доставлять почту. Ты должен спросить Сьюки — я уверен, она будет рада помочь.

Гермиона не выглядела слишком очарованной перспективой использовать эльфа для работы, но признала логику.

«Хорошо, я напишу ей позже. Что-нибудь еще, что мы должны рассмотреть? она спросила.

— Да, — ответил Гарри. — То, что сказал Люпин, меня беспокоит.

— Люпин? — спросил Рон.

— Да, в ночь моего дня рождения у вас дома. Он сказал, что Волан-де-Морт не ожидал, что атака увенчается успехом и убьет Дамблдора. Ты помнишь?'

— Да, но что это доказывает? — спросил Рон.

— Это ничего не доказывает, но заставило меня задуматься. Люпин был прав — Малфой впустил Пожирателей Смерти, как только узнал, что Дамблдор покинул школу, так что он не мог быть первоначальной целью. И никто не мог предвидеть, насколько слабым будет Дамблдор, когда вернется. Ни Малфой, ни Снейп; его не смогли бы схватить пятьдесят Пожирателей Смерти, если бы он не был выведен из строя. Так почему же они напали на школу?

— Думаешь, был другой мотив? — спросила Гермиона.

'Да. Я думаю, что Волдеморт, возможно, пытался забрать что-то из школы. Что-то важное для него.

— Хоркрукс? — спросил Рон.

Гарри кивнул.

— Как вы думаете, что это может быть? Рон продолжил.

'Без понятия. Я даже не уверен, что я прав. Это просто то, что, я думаю, мы должны проверить. Он вопросительно посмотрел на Гермиону.

Некоторое время она не отвечала, погруженная в свои мысли. Наконец, она сказала: «Я думаю, Гарри, возможно, стоит это проверить. Вы сказали, что Дамблдор считал, что Риддл будет хранить хоркруксы в местах, которые что-то для него значат. Я не могу представить себе места, которое значило бы для него больше, чем Хогвартс. Я спрошу МакГонагалл, можем ли мы пошуршать перед началом семестра.

Гарри благодарно кивнул, радуясь, что друзья не отвергли его идеи.

— Ладно, на данный момент этого достаточно. Если ты напишешь МакГонагалл, у нас может быть что-то, что можно продолжить. А пока мы должны немного расслабиться. Это может быть наш последний шанс на какое-то время, так что мы должны использовать его по максимуму.

oooooooo

Понедельник, 4 августа 1997 г.

На следующее утро Гарри проснулся отдохнувшим. Он впервые за неделю по-настоящему хорошо выспался и почувствовал себя от этого намного лучше. Он встал, оделся и направился в главную гостиную, которая стала их базой в этом огромном доме. У Рона и Гермионы было по комнате, но они сняли комнаты рядом друг с другом на первом этаже. Казалось, не имело смысла рассредоточиться по всему поместью.

Спустившись вниз, он с удивлением обнаружил Рона наверху и впереди себя. Кроме того, заметил он с удивлением, Гермиона, похоже, не появлялась этим утром.

— Доброе утро, Рон, — сказал он, — Гермиона сегодня ленится?

Рон ухмыльнулся в ответ. — Я не думаю, что ты вправе называть кого-то ленивым, Гарри — уже половина одиннадцатого. Гермиона ушла к МакГонагалл несколько часов назад.

'Какая? Почему ты не разбудил меня? Гарри обиделся.

— Гермиона сказала, что тебе нужно остальное. Она сказала, что то, что ты не спишь, ничего не изменит, так что она увидит тебя, когда вернется. А теперь, хочешь позавтракать или просто подождешь до обеда? — добавил он с ухмылкой.

Гарри не стал удостоить это ответом. Вместо этого он позвал Сьюки, которая быстро приготовила для него сытный завтрак. Он был уже наполовину съеден, когда камин внезапно засветился, и Гермиона вышла с большим пергаментом в руке, выглядя очень довольной собой.

— Доброе... — она посмотрела на часы, — доброе утро, Гарри. Спокойной ночи?' — спросила она, и в ее глазах мелькнуло веселье.

— Ха-ха, — саркастически ответил Гарри. — Вы должны были разбудить меня, — добавил он обвиняюще.

— Вопреки тому, что вы могли бы подумать, — озорно начала она, — мир на самом деле действует, когда вас здесь нет, Гарри. МакГонагалл первым делом ответила этим утром и пригласила меня в Хогвартс. Я немедленно ушел. Во-первых, я должен сказать ей, что слухи о твоей смерти сильно преувеличены.

'Ой. Как она это восприняла? — спросил Гарри.

— Примерно так, как можно было ожидать. Она, очевидно, на седьмом небе от счастья, но говорит, что тебе лучше держаться от нее подальше какое-то время, иначе она сама убьет тебя, когда увидит. Я точно знаю, что она имеет в виду, — добавила Гермиона.

— Хорошо, хорошо, — сказал Гарри, сдаваясь и поднимая руки. «Сколько еще мне придется это слушать?»

— О, я не знаю — пока нам не надоест, я полагаю, — засмеялся Рон.

— Как ты попал к Гермионе? Тебя не было какое-то время, — спросил Гарри.

— Да, я довольно быстро получил то, что хотел, но после этого у меня был долгий разговор с профессором МакГонагалл. Она хотела знать, что вы задумали, но я сказал ей, что Дамблдор поклялся нам хранить тайну. Его портрет подтвердил это».

— Его портрет? Я и забыл об этом, — сказал Гарри. — Было бы полезно, если бы мы могли поговорить с ним — я имею в виду поговорить с ним.

— Я тоже так думала, — сказала Гермиона. — Мы могли бы поговорить с ним, когда посетим Хогвартс. МакГонагалл сказала, что мы можем идти, но мы должны сообщить ей, когда. Она хочет поговорить с тобой о чем-то, но не говорит о чем.

'Справедливо. В любом случае, будет приятно увидеть ее снова, — ответил Гарри. — Я так понимаю, у вас есть копия школьного списка?

— Да, но не полный список. Я полагал, что мне не придется возвращаться дальше, чем на сто лет назад. Хотя имен по-прежнему много».

'Тебе нужна помощь?' — спросил Гарри.

— Я так не думаю. У меня только одна копия, так что вы, вероятно, будете мешать. Я просто возьму с собой обед и начну. Вы двое могли бы начать думать о том, что еще нам может понадобиться, — добавила она.

С этими словами она взяла свиток и ушла в свою комнату. Гарри ласково смотрел, как он уходит, а затем повернулся к Рону.

— Итак... есть идеи?

Через полчаса Гарри оказался в своей комнате, копаясь в своем сундуке. Рон принес его, когда приехал, чтобы остаться из Норы, и Гарри забыл о нем. В памяти его встряхнуло предложение Гермионы, чтобы он и Рон «подумали, что еще нам может понадобиться». Рон решил, что ему нужна тарелка со стейком и чипсами, а затем вздремнуть, так что Гарри был предоставлен самому себе. Именно тогда он вспомнил о письме Дамблдора и о том, что тот ему оставил. Поднявшись к себе в комнату, он залез в багажник и начал рыться в своих вещах.

Он нашел небольшой сверток на дне своего сундука. Он не мог поверить, что ждал так долго, чтобы увидеть то, что ему оставил его старый директор, но он рассудил, что, вероятно, умственно или эмоционально не был готов открыть это раньше. Он был рад, что его друзей здесь нет, так как он чувствовал, что это был личный момент — эти вещи остались ему.

Он открыл посылку и попытался сдержать полное чувство разочарования, которое он испытал при просмотре вещей. Первым, что он обнаружил, была небольшая книга в кожаном переплете, в которой, очевидно, были заметки Дамблдора о хоркруксах. Взглянув на него бегло, он не обнаружил ничего, чего бы он уже не знал. Он решил изучить его подробно позже.

Второй пункт действительно озадачил его. Он узнал в нем кольцо, которое Дамблдор носил в прошлом году — кольцо, которое Волан-де-Морт использовал как крестраж, и кольцо, которое, очевидно, повредило руку директора при уничтожении. Он ни за что не мог понять, почему ему оставили уничтоженный хоркрукс или почему Дамблдор думал, что он может помочь ему в его поисках; но он признал, что для Дамблдора было типично никогда не объяснять ему вещи полностью.

Его размышления прервали крики снизу.

'Гарри? Рон? Где ты? Мне нужно поговорить с вами обоими. Это была Гермиона.

Собрав вещи в карман, Гарри направился вниз, и вскоре к нему присоединился Рон. Оба вопросительно посмотрели на Гермиону.

— Кажется, я кое-что нашла, — сказала она.

— Это было быстро, — ответил Рон. Я думал, вам понадобится целый день, чтобы просмотреть этот список.

Секунду она строго смотрела на него. — Мне не нужно было просматривать весь список, Рональд, я просто начал с фамилий, начинающихся на «Б». Кажется, я нашел нашу RAB. У Рона хватило ума смутиться, когда он понял, насколько глупо он был.

'Кто?' — спросил Гарри.

— Регулус Блэк, — ответила Гермиона. «Регулус Арктур Блэк. Разве он не был братом Сириуса?

Откровение ударило по Гарри, как кувалда. Конечно - Регулус. Он подумал о том времени, когда Сириус провел его по семейному древу Блэков. Он даже сказал, что Регулус был Пожирателем Смерти. Все подходит! Как он мог не видеть этого раньше?

— Милый Мерлин, — сказал он. — Думаю, ты права, Гермиона. Сириус сказал, что его брат был близок с Волдемортом, но в конце концов был убит им. Интересно, был ли это его способ

отомстить? Вероятно, он знал, что Волдеморт на него напал, и решил что-то с этим сделать! Что вы думаете?'

«Я думаю, что это может быть наш RAB», — сказала Гермиона. «Все сходится. Что ты думаешь, Рон? Рон? — спросила она снова, когда ее друг стоял с закрытыми глазами, глубоко задумавшись.

— Ты помнишь, — медленно начал Рон, — когда мы на пятом курсе убирали площадь Гриммо? Мы нашли медальон, который никто не мог открыть? Он открыл глаза, до него дошло значение его открытия, и посмотрел на остальных.

— Вот дерьмо, — сказал Гарри. 'Я помню. Вот дерьмо. Это медальон. Он был идентичен тому, что мы нашли в пещере! Должно быть, это оригинал, который Регулус получил, когда подменял его на подделку. Дерьмо!'

'Что случилось с этим?' — спросила Гермиона с паникой в голосе. — Разве мы не выбросили много старых вещей Сириуса?

— Да, — ответил Гарри. «Мы выбросили кучу вещей. Я понятия не имею, где они оказались. Сириус хотел, чтобы их уничтожили, потому что считал, что в некоторых из этих предметов много темной магии. Разве ты не помнишь, что Кричер был убит горем из-за всего этого?

— Кричер! — воскликнул Рон. «Этот мерзкий маленький придурок всегда пытался спасти какие-то артефакты! Помнишь, мы продолжали ловить его с кучей вещей, которые пытались выбросить? Интересно, удалось ли ему что-нибудь спасти?

— Надеюсь, — горячо ответил Гарри, — потому что если нет, то я понятия не имею, где искать. Нам придется вернуться к Гриммо, — закончил он.

'Когда?' — спросил Рон.

— Как можно скорее, — хмуро ответил Гарри. — Сегодня вечером, если сможем. Я надеялся, что больше никогда туда не вернусь», — добавил он.

— Мы знаем, Гарри, — сказала Гермиона, заботясь о подруге. — Но я подозреваю, что нам придется сделать несколько вещей, которых мы не хотим. Будет лучше, если мы подождем до вечера. Я не уверен, что этот дом в безопасности теперь, когда Дамблдор ушел, а Снейп на свободе. Мы должны быть осторожны.

— Я знаю, — сказал Гарри. Ему очень не хотелось возвращаться в старый дом Сириуса, но он знал, что у него нет выбора.

Почему все всегда было так сложно?

Номер 12 на площади Гриммо лежал в состоянии злобного сна, единственный свет исходил от луны, проникавшей сквозь щели в изношенных занавесках. Было видно, что в дом давно никто не ступал, потому что все было покрыто толстым слоем пыли. Паутину можно было найти почти на каждой поверхности, и сам воздух, казалось, обладал осязаемыми качествами — тяжестью, до которой можно было почти дотронуться. Несколько крыс сновали туда-сюда, но это было единственное движение, нарушавшее тишину. Даже портреты были неподвижны.

Тишину внезапно нарушил протяжный громкий скрип, когда входная дверь медленно распахнулась, и Гарри, Рон и Гермиона осторожно прокрались в холл. Гарри приложил палец к губам, призывая к тишине, когда трое друзей прокрались мимо портрета матери Сириуса и вошли в боковую комнату, где хранилось семейное древо Блэков. Гарри подошел к гобелену, а Рон тихо закрыл за ними дверь. Он заметил, что он обновился; добавлено новое имя отдельно от других — его собственное. С внезапным приливом печали он понял, что этот дом теперь принадлежит ему и что, вероятно, это была единственная причина, по которой они смогли войти. Эта мысль на самом деле немного утешила его — они беспокоились о Снейпе, но теперь Гарри понял, что дом не впустил бы сального гада после смерти Сириуса.

Он внезапно вздрогнул, когда Гермиона стояла рядом с ним и изучала семейное древо. Очевидно, она пришла к тем же выводам, что и он, когда тонкая улыбка появилась на ее губах, и она повернулась к Гарри.

— Все должно быть в порядке, — прошептала она. — Дом никого бы не впустил — Сириус упоминал нам ранее о безопасности в этом месте.

Гарри кивнул в ответ, и у него в горле возникло знакомое стеснение, которое появлялось всякий раз, когда он думал о своем крестном отце.

— Да, я думаю, ты прав, — ответил он. 'Итак, что нам теперь делать? Я понятия не имею, с чего начать поиски, а этот дом не место для неосторожных».

— Я знаю, Гарри, — ответила Гермиона, — но у нас есть одно преимущество. Ты можешь призвать Кикимера? И когда вы это сделаете, не могли бы вы быть с ним добры? Она заметила, что лицо Гарри помрачнело при упоминании предателя-домового эльфа, так что поторопилась. — Я знаю, что ты винишь его в смерти Сириуса, Гарри, но он нужен нам прямо сейчас, и запугивание не поможет.

«Знаешь, я могу просто приказать ему говорить», — ответил Гарри с язвительностью в голосе. — Он мой эльф, и я могу делать с ним все, что захочу, — с горечью добавил он. Он повернулся, чтобы посмотреть на свою подругу, и заметил болезненное выражение на ее лице. Он почувствовал, как его горечь тает, когда он посмотрел на нее и закрыл глаза. — Хорошо, Гермиона, я постараюсь быть с ним милой. Он вздохнул. «КРИЧЕР!»

Через короткое время эльф появился перед ними с громким треском. Выражение обиды на его лице сменилось отвращением, когда он увидел, кто стоит перед ним.

— Хозяин вызвал Кикимера после того, как так долго его игнорировал, — пробормотал он. Кричер недоумевает, что он сделал, чтобы хозяин обратился к нему. Кричер видит, что у хозяина все еще есть предатель крови и грязнокровка...

'Достаточно!' — крикнул Гарри. Кричер тут же замолчал, и Гарри воспользовался возможностью, чтобы сделать глубокий вдох и немного успокоиться.

— Кричер, ты не будешь использовать эти термины по отношению к моим друзьям. Я запрещаю это. Кричер хотел было ответить, но Гарри продолжил. — А теперь, Кричер, я хочу задать тебе вопрос и хочу, чтобы ты ответил мне правдиво. Вы когда-нибудь видели это раньше? — добавил он, показывая копию медальона Слизерина.

Глаза Кричера расширились, как обеденные тарелки, когда он увидел медальон, прежде чем бросить взгляд на дверь. «Откуда у хозяина это?» — прошипел он с намеком на панику в голосе.

Гарри с облегчением закрыл глаза. Теперь по реакции старого эльфа он понял, что оригинальный медальон был у Кикимера. Он сделал паузу на мгновение, решая, как лучше поступить с этим. Он знал, что Гермиона пристально наблюдает за ним с беспокойством на лице.

— Кричер, — начал он гораздо вежливее, чем раньше, — очень важно, чтобы вы сказали мне правду. Я мог бы приказать тебе ответить, но я бы предпочел, чтобы ты сделал это по собственной воле. Ты ведь уже видел этот медальон, не так ли?

Через мгновение Кричер просто кивнул. Гарри продолжил.

— Этот медальон принадлежал твоему хозяину, Регулусу, не так ли? Кричер снова кивнул. 'Я так и думал. Регулус сам сделал медальон?

— Да, господин, — ответил Кричер с ноткой страдания в голосе.

Гарри знал, что он должен обращаться с этим очень осторожно. — Кричер, должен сказать тебе, что спрятанный тобой медальон — подделка. Этот медальон настоящий, сделанный Регулусом. Он заметил скептическое выражение лица эльфа и вынул записку из кармана. «Смотри, Кричер; это записка от Регулуса. Он подменил свой медальон на подделку, принадлежащую кому-то другому. Я бы хотел, чтобы вы сделали для меня поддельный медальон. Взамен я верну тебе настоящий.

Кричер взял у Гарри записку и жадно прочитал ее. Закончив, он снова посмотрел на Гарри с изумленным выражением лица. Гарри решил повернуть винт.

— Кричер, я могу приказать тебе достать мне фальшивый медальон, и тогда я оставлю их себе.

Однако мой друг — тот, кого вы называете «грязнокровкой», — просил меня не делать этого. Вместо этого она — и я — предпочли бы, чтобы вы сделали это по собственной воле. Не могли бы вы принести мне медальон? Пожалуйста?'

Кричер на мгновение заколебался, прежде чем, шаркая ногами, выйти из комнаты. Он остановился у двери и обернулся, словно проверяя, не преследуют ли его.

— Другие артефакты меня не интересуют, — сказал Гарри. — Просто принеси мне фальшивый медальон, пожалуйста.

Кричер кивнул и исчез. Через несколько минут он вернулся, держа в руке медальон Слизерина.

— Спасибо, Кричер, — сказал Гарри, протягивая эльфу свой медальон. В ответ Кричер взял его у него и отдал взамен свой медальон. Гарри был удивлен, увидев слезы в глазах старого эльфа. Он повернулся к Гермионе и был не менее удивлен, увидев слезы на ее глазах. Он снова повернулся к Кикимеру.

— Вы можете вернуться в Хогвартс, Кричер; У меня больше нет к вам требований.

В ответ Кричер низко поклонился Гарри. Когда он заговорил, его голос был более низким, в нем не было обычного презрения и пренебрежения.

— Мастер Гарри может зайти к Кикимеру в любое время. Кричер будет горд помочь такому великодушному и благородному господину, когда бы он ни потребовался. Он взглянул на Гермиону. Кричер также будет горд служить друзьям хозяина. Если они позвонят.

«Спасибо, Кричер», — ответил Гарри, прежде чем понял, что разговаривает с воздухом, поскольку эльф исчез с хлопком. Он повернулся к своим друзьям, приподняв бровь.

— Все прошло хорошо, не так ли? — спросил он, ухмыляясь на его лице.

Вторник, 5 августа 1997 г.

На следующее утро Гарри, Рон и Гермиона сидели на своих обычных местах за кофейным столиком. На нем лежал медальон Слизерина, его присутствие преобладало над всем остальным в комнате. Они, как обычно, спустились к завтраку и, поев, заняли свои обычные места. Гарри положил перед ними медальон, и некоторое время не было произнесено ни слова. Наконец Рон нарушил молчание.

'Что теперь? Кто-нибудь знает, как мы уничтожаем одну из этих штук?

Гарри на мгновение задумался, прежде чем ответить.

— Не знаю, Рон. Я уничтожил дневник клыком василиска, но понятия не имею, как Дамблдор уничтожил кольцо. Возможно, стоит попытаться вернуться в камеру, чтобы посмотреть, сможем ли мы получить еще один клык, но я не думаю, что яд все еще будет сильным. Возможно, нам придется придумать новый метод. Он наклонился вперед и поднял медальон. На ощупь он был очень холодным и тяжелее, чем копия. Он не знал, что это значит. Он попытался открыть его, но обнаружил, что крышка не поддается. «Кроме того, — продолжил он, — я не знаю, будет ли достаточно уничтожить объект. Насколько я понимаю, внутри этого медальона на самом деле находится часть души Волдеморта. Нам нужно уничтожить фрагмент души, а не сам медальон. Если мы уничтожим медальон, это'

Он посмотрел на своих друзей и увидел ужас на их лицах. Он пожал плечами в поражении. «Может быть, мне стоит заглянуть в дневник Дамблдора — там может быть что-то о том, как на самом деле уничтожать эти чертотвары».

— Какой журнал? хором подпевали Рон и Гермиона.

Гарри внутренне выругался. Он забыл рассказать своим друзьям о вещах, оставленных им Дамблдором. Не говоря ни слова, он поднялся в свою комнату и через несколько минут вернулся.

— Дамблдор оставил мне это, — сказал он, поднимая книгу и кольцо. — Извини, что забыл тебе сказать — я только вспомнил, что он оставил мне кое-что вчера, и в волнении от открытия Гермионы это совершенно вылетело у меня из головы.

— Я не могу тебе поверить, Гарри, — начала Гермиона с оттенком резкости в голосе. — Как ты мог забыть о чем-то столь важном? В этом журнале может быть важная информация.

Гарри хотел возразить, но когда он посмотрел на Гермиону, то увидел, что на ее лице было голодное выражение, когда она смотрела на книгу. Подавив улыбку, он передал журнал. 'Здесь; У меня был только взгляд на это. Я полагал, что ты был лучшим человеком, чтобы пройти через это. Не торопись. Я собираюсь навестить МакГонагалл сегодня — ты сказал, что она хочет меня видеть. Ты сможешь пройти через это, когда я буду в Хогвартсе.

Гермиона восприняла эти слова как своего рода извинение и чуть не выхватила книгу у Гарри, таково было ее рвение. Она взяла перо и пергамент и начала читать, делая при этом записи. Гарри и Рон обменялись насмешливыми взглядами.

— Так для чего это? — спросил Рон, указывая на кольцо.

— Без понятия, — ответил Гарри. «Я знаю, что его использовали как хоркрукс и что Дамблдор уничтожил его, но я не могу понять, почему он оставил его мне».

— Чертовски ненормальный этот человек, — ответил Рон. «Отлично, но душевно. Может быть, вы могли бы спросить МакГонагалл, когда увидите ее; она может что-то знать.

Гарри кивнул, глубоко задумавшись. Он не сводил глаз с Гермионы, пока разговаривал с Роном, и был захвачен тем, насколько красивой она выглядела, сидя и просматривая дневник. Теперь она не обращала внимания на все вокруг, и он был очарован выражением сосредоточенности на ее лице, пока она тихо делала несколько заметок на пергаменте. Он долго стоял, глядя на нее, не замечая понимающей улыбки, скользнувшей по лицу Рона. Наконец он отвернулся от нее и поймал взгляд Рона. Взгляд Рона на него был очень показательным, и Гарри даже покраснел.

— Я иду к МакГонагалл, — пробормотал он, прежде чем поспешно подняться наверх.

Рон ухмыльнулся еще шире, когда его глаза последовали за Гарри из комнаты. Мне очень нужно поговорить с ним.

Вскоре после этого Гарри обнаружил, что идет по коридорам Хогвартса, скрытый мантией-невидимкой. Он уже собирался выйти из дома без него, когда Гермиона оторвалась от своих каракулей и небрежно напомнила ему, что он мертв. Для него не годится, если его заметит Филч или кто-то еще, кто может задержаться в замке на праздники.

Он подошел к каменным горгульям, охранявшим кабинет Директора – Госпожи, он поправился – и обдумал варианты. Украдкой оглядевшись, он снял плащ и посмотрел на статуи.

— Cuid Ma Faille, — сказал он выжидающе.

С тихим грохотом лестница начала подниматься, и Гарри шагнул вперед, позволяя отнести себя в офис. Войдя, он был удивлен, увидев, что МакГонагалл внесла много изменений в декор — вместо множества загадочных предметов, которые присутствовали при жизни Дамблдора, было множество украшений, большинство из которых окрашено в разной степени. из тартана. Гарри улыбнулся про себя.

— Мистер Поттер, — произнес знакомый шотландский акцент. «Как приятно тебя видеть. Я рад видеть, что вы живы и здоровы в эти беспокойные времена. В тоне был намек на суровость, но Гарри видел, что его старый учитель улыбается.

'Здравствуй, профессор. Я тоже рад тебя видеть. Извините за обман, но я подумал, что будет полезно ненадолго исчезнуть.

'Довольно; Я понимаю. Пожалуйста, садитесь, — ответила МакГонагалл. Со своей стороны, она была очень рада видеть свою бывшую ученицу, хотя ей было трудно принять «бывшую» часть этого статуса. Из всех учеников, встречавшихся ей за эти годы, только двоих она считала более любимыми, чем сидящий перед ней молодой человек. Один из них, конечно, был другом этого молодого человека; другая его мать. Ей часто приходило в голову, что две женщины, которых

она считала своими любимыми ученицами, так похожи и связаны общей любовью к Гарри. Жизнь иногда была странной.

— Я рада, что вы нашли время повидаться со мной, — начала она, наливая им обоим чаю. — Альбус просил передать вам кое-что в письме, которое я получил после его смерти. Я начал думать, как выполнить его просьбу, но теперь я могу выполнить его желание».

При упоминании своего старого директора Гарри бросил взгляд на портреты на стене и обнаружил, что портрет Дамблдора пуст. Он не знал, чувствовать ли от этого разочарование или облегчение. Проследив за его взглядом, МакГонагалл продолжила.

— Боюсь, сегодня утром Альбусу нужно было уехать по срочному делу — его присутствие было запрошено министром. Нет ему покоя даже после смерти. Говоря это, она встала и достала что-то из футляра в дальнем конце комнаты. Сев обратно, она предложила ему. Гарри был ошеломлен.

— Меч Гриффиндора? — удивленно спросил он. «Я не могу принять это. Это один из самых важных артефактов в нашем мире!»

— Мне это хорошо известно, мистер Поттер; но, несмотря на это, Альбус очень настаивал на том, чтобы это было у тебя. Это не подарок, Гарри, скорее кредит. Альбус, кажется, думает, что он тебе понадобится, но его нужно вернуть, когда ты сделаешь все, что должен. В ее тоне был больше, чем намёк на вопрос, и Гарри внезапно ощутил прилив жалости к своему старому учителю. Эти последние несколько недель не могли быть легкими для нее.

— Мне жаль, что я не могу рассказать вам, что мы делаем, профессор, но директор настоял на том, чтобы я не говорил никому, кроме Рона и Гермионы. Я уверен, что это не вопрос доверия, потому что я знаю, что он не питал к вам ничего, кроме самого высокого уважения. Если бы мне пришлось угадывать его причины, я бы предположил, что он хотел, чтобы вы не вмешивались в это ради вашей же безопасности. Он знал, что ты понадобишься Хогвартсу, когда его не станет.

Минерва, казалось, приняла это объяснение, потому что просто кивнула и передала меч Гарри, который принял его у нее с некоторым почтением. Некоторое время они сидели молча, созерцая стоявший перед ними артефакт. Наконец, Минерва вернула их к делу.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе, Гарри, — не стесняйся обращаться ко мне за помощью. Вам не нужно раскрывать, что вы делаете, достаточно только спросить».

— Спасибо, профессор, — ответил Гарри. — Есть одна или две вещи, которые мне могут понадобиться. Я был бы признателен, если бы Рон, Гермиона и я смогли осмотреть Хогвартс до начала нового семестра. Нам нужно кое-что проверить.

— Конечно, — ответила Минерва. — Надеюсь, мисс Грейнджер и мистер Уизли оказывают вам замечательную помощь?

— Совершенно верно, — ответил Гарри, решительно кивнув. «Я не мог бы сделать это без них».

'Я рад слышать это.' Минерва сделала паузу на мгновение, прежде чем продолжить. «Хорошо, что ты ценишь своих друзей; иногда люди не осознают, что у них есть, даже когда это смотрит им прямо в лицо».

Гарри резко посмотрел на нее. Когда она произнесла это последнее замечание, определенно произошло смещение акцента. Что она на самом деле пыталась сказать?

— На этот счет не стоит беспокоиться, — осторожно ответил Гарри, — я ценю все, что они для меня делают.

— Хорошо, — ответила Минерва. — Мне не хотелось бы думать, что ты не замечаешь некоторых очень важных вещей, — многозначительно добавила она. «Теперь нам нужно кое-что обсудить, кое-что сделать, так что я была бы благодарна, если бы смогла привлечь ваше безраздельное внимание — в отличие от тех времен, когда вы были в моем классе», — добавила она с улыбкой.

Гарри просто кивнул, сбитый с толку ее замечаниями. К чему именно она клонила? — подумал он про себя, расслабляясь в кресле.

Гермиона отложила перо и направилась на кухню, чтобы заварить чашку чая. Она работала над записной книжкой Дамблдора несколько часов и почувствовала, что заслуживает перерыва. Она сделала множество заметок, так как директор оставил им массу ценной информации в своей книге — если знать, что искать. Во-первых, у нее теперь было хорошее представление о том, о чем МакГонагалл хотела поговорить с Гарри.

Она подумала о своей встрече со своим бывшим профессором, когда она потребовала копию школьного списка. МакГонагалл всегда была ее любимым учителем (она знала, что Гарри и Рон предпочитают Дамблдора), и она была рада возможности поговорить с ней на неформальной основе. Минерва (так она настояла, чтобы ее называла Гермиона) была для нее образцом для подражания. Умный, независимый и совершенно бесстрашный; она была всем, чем стремилась быть Гермиона. Она также была неприятно проницательна в некоторых сердечных делах.

Когда Гермиона сказала ей, что Гарри все еще жив, облегчение и восторг Минервы были очевидны. Однако немного смущало то, что пожилая женщина, казалось бы, не могла знать о чувствах Гермионы к Гарри. После тщетной попытки отрицать эти чувства Гермиона была вынуждена признать, что Минерва была права.

— Не беспокойся об этом, дорогая. Сейчас у Гарри много забот. Как только у него будет возможность остановиться и подумать, он осознает истину, стоящую перед ним».

'Что есть истина?' — спросила Гермиона.

— Тот факт, что он тоже безумно любит тебя. Это так же ясно, как нос на твоём лице, что вам двоим суждено быть вместе. За долгие годы преподавания я не могу придумать пары, которая бы подходила друг другу лучше. Вы поняли это — Гарри ещё не удалось этого сделать. Конечно, ты всегда соображал быстрее; хотя, поскольку мы говорим о Гарри, это не так уж и хвастливо. Когда дело доходит до некоторых вещей, у него действительно есть восприятие тролля.

Гермиона не знала, что ответить на это откровение — на самом деле она все ещё была немного ошеломлена комментариями. Однако она улыбнулась, когда подумала об этом; По крайней мере, в одном Минерва была права. Она видела слабые попытки Гарри ухаживать за Чжоу на пятом курсе и слишком хорошо знала, что у него есть слепое пятно, когда дело касается сердечных дел. Она только надеялась, что Минерва была права в своём утверждении, что он любит её.

Её размышления прервал рев камина, означавший, что Гарри возвращался. Она позвала Рона из его комнаты и подошла поприветствовать своего друга, когда он вернулся. Через мгновение из пламени появился Гарри с завернутым пакетом в руке. Он одарил Гермиону взглядом, который можно назвать только странным, и, казалось, собирался что-то сказать ей, когда их прервал Рон.

'Хорошо, приятель? Чего тогда хотела МакГонагалл? он спросил.

Гермиона заметила, что Гарри выглядел немного раздраженным из-за того, что его прервали, но это выражение было настолько мимолетным, что она могла себе это представить. Он оглянулся на неё, прежде чем ответить.

— Она хотела дать мне это, — ответил он, протягивая меч Гриффиндора, чтобы они оба могли его видеть.

'Ух ты!' — воскликнул Рон. — Зачем она тебе это дала?

— Без понятия, — ответил Гарри. «Дамблдор, видимо, думал, что мне это понадобится, но не сказал, зачем». Разочарование в его голосе было очевидным.

— Я знаю почему, — сказала Гермиона. Она игнорировала удивленные взгляды своих друзей. 'Почему бы нам не сесть? Есть кое-что, что вы оба должны знать.

Она отвела их к их обычному месту у окна и подождала, пока все сядут, прежде чем продолжить.

— Дамблдор оставил в своём дневнике много важной информации, — начала она, бросив

предостерегающий взгляд на Гарри, который лишь застенчиво посмотрел на нее в ответ. «Возможно, самой важной частью информации было то, как уничтожить хоркрукс. Видите ли, вам нужно только уничтожить объект, в котором находится фрагмент души, чтобы уничтожить сам фрагмент души. Однако фрагмент души обеспечивает объекту мощную магическую защиту, поэтому попытки разбить или взломать его обычными методами не сработают. Вам нужна мощная магия, чтобы противостоять этой защите. Гарри уничтожил дневник с помощью клыка василиска, и это сработало, потому что яд магического существа настолько силен, что уничтожит все, с чем соприкоснется». Она сделала паузу перед своим следующим откровением. '

Удивленное молчание встретило эти слова, прежде чем Гарри, наконец, собрался с духом, чтобы заговорить.

'Как?'

— Это волшебный меч, Гарри, ты лучше всех должен это знать. Гриффиндорец вложил часть себя в этот меч, когда он его сделал. Не его душа, — быстро добавила она, правильно угадав следующий вопрос Гарри. — Больше похоже на часть его магической сущности. Вот почему он смог почувствовать, что вы нуждаетесь в нем в камере. Помните, вы вытащили его из распределительной шляпы. Это тоже было у Гриффиндора. Два объекта связаны, и эта связь может быть только магической. Кроме того, — продолжила она уже в режиме полной лекции, — меч пропитывает то, что разрушает, делая его сильнее после каждой победы. Когда вы убили василиска, он пропитался ядом. Теперь он так же силен, как ядовитый клык.

Гарри воспользовался моментом, чтобы переварить эту новую информацию. Он сел вперед, медленно и осторожно переворачивая меч в руках, глубоко задумавшись. — Только настоящий гриффиндорец мог вытащить этот меч из шляпы, — пробормотал он. Наконец, он посмотрел вверх. — Значит, у нас есть возможность уничтожить медальон? он спросил.

Гермиона кивнула.

— Итак, чего мы ждем? — спросил Рон. — Вот, Гарри, дай мне на секунду взглянуть на меч, — продолжил он, прежде чем встать, взять меч у изумленного Гарри и подойти к столу, где лежал медальон. Прежде чем Гарри или Гермиона успели среагировать, Рон изо всей силы взмахнул лезвием и резко ударил им по медальону.

Две вещи произошли одновременно. Медальон, вместо того, чтобы разбиться на части, просто отлетел от стола, такова была сила удара. И Рон издал рев боли, когда шок от удара отразился от меча и отразился в его руке.

— Милый Мерлин! — воскликнул он, уронив меч и схватившись за руку. — Эта чертова боль!

— Рональд Уизли! — воскликнула Гермиона. — Это, без сомнения, самая глупая вещь, которую вы когда-либо делали, и это о чем-то говорит! Она была в ярости, и даже Гарри попятился от ее гнева. — Ты понятия не имел, что там могло произойти. Тебя могли убить!

— Все в порядке, Гермиона, никакого реального вреда, — сказал Рон сквозь стиснутые зубы. Он подошел к стене и взял медальон. На нем не было ни царапины. — Я думал, ты сказал, что меч уничтожит медальон? — спросил он обвиняюще.

— Нет, я сказал, что вы не можете уничтожить объект обычными средствами. Мы должны сначала открыть эту чертову штуку, идиот.

Гарри знал, что она действительно злилась — он не мог вспомнить, когда в последний раз слышал ее проклятия. Он попытался совладать с ее гневом.

«Хорошо, тогда у нас есть какие-нибудь идеи, как его открыть? Я помню, что никто из нас не мог открыть его в Гриммо.

Гермиона повернулась к Гарри, но черты ее лица смягчились, прежде чем она ответила.

— Нет, Гарри, нам придется подумать об этом. Вероятно, нам придется кое-что попробовать». Она задержала его взгляд на мгновение, прежде чем повернуться к какому-то движению Рона.

«Алохомора !» — сказал Рон, пытаясь уговорить медальон открыться.

— Вы прекратите это! — воскликнула Гермиона, ее гнев снова вспыхнул. «Мы еще не готовы встретиться лицом к лицу с тем, что находится в этом медальоне, и мы не хотим, чтобы его открыли, пока мы не будем готовы. Кроме того, мы уже пробовали это раньше, помнишь?

— Да, я помню. Я просто пытался выяснить, научилась ли эта проклятая штука понимать по-английски.

— Заклинания произносятся не по-английски, Рон, они произносятся по-латыни. Сколько раз мне тебе это повторять?

Гарри улыбнулся, несмотря на ситуацию. Даже сейчас Гермиона не могла не исправить глупость Рона.

— Да, хорошо, Гермиона, теперь я понял. английский не работает; Латынь не работает. Есть другие предложения? — саркастически спросил он. — Может быть, французский? Или может немецкий? Будем ли мы пробовать каждый язык, пока не найдем тот, который он понимает?

При этих словах в голове Гарри вспыхнул свет. Он проигнорировал продолжающиеся ссоры между двумя своими друзьями, когда пришел к осознанию того, что, как он знал, было правдой.

— Я знаю, как ее открыть, — тихо сказал он. Двое его друзей остановились посреди спора и

установились на него.

— Вот, дай мне медальон, — продолжал Гарри. — И меч.

Не говоря ни слова, Рон передал два предмета, как и просили, и вопросительно посмотрел на Гарри.

— Я хочу, чтобы вы двое вышли из комнаты, — сказал Гарри. — Если что-то пойдет не так, я не хочу, чтобы вы пострадали. Кроме того, мы не должны класть все яйца в одну корзину.

— Ни за что, — сказала Гермиона. — Если ты думаешь, что я позволю тебе открыть эту штуку самостоятельно, ты должен принять меня за дурака. Дикие лошади не могут сейчас вытащить меня из этой комнаты.

Гарри собирался возразить, но один взгляд на свирепое выражение лица Гермионы убедил его в обратном.

— Хорошо, но, пожалуйста, отойдите вон там, — сказал он, указывая на самый дальний угол комнаты. Ни один из его друзей не пошевелился. — Пожалуйста, — продолжил Гарри. — Нам нужно рассредоточиться на случай, если что-то пойдет не так. Если мы окажемся слишком близко друг к другу, то, что бы ни было здесь, может убить нас всех одним махом. Его тон был разумным, и его друзья, после минутного колебания, подчинились. — И если это выглядит как изворотливость, — продолжил Гарри, — ты убираешься отсюда к черту так быстро, как только сможешь. Верно?'

Рон и Гермиона молча кивнули, принимая его логику. Гарри казался довольным этим и повернулся к медальону в руке. Он глубоко вздохнул, а затем пристально посмотрел на змею, выгравированную на крышке. Сфокусировавшись, насколько это было возможно, на изображении, он просто сказал: «Открой».

Только то, что выходило из его уст, было не на английском языке — или даже на латыни. Это был парселтанг.

Через мгновение медальон с тихим щелчком открылся. Гарри положил его на стол и отступил, держа меч на боку.

Из глубины медальона начал медленно подниматься черный туман; кружащаяся масса, которая поднялась над столом, прежде чем начать обретать форму. Гарри сразу узнал его — это был Риддл. Более молодой Риддл, чем тот, с которым он столкнулся на кладбище, но значительно старше, чем тот, что вышел из дневника. Он услышал низкий стон Рона, но выкинул своих друзей из головы. Ему нужно было полностью сосредоточиться на том, что было перед ним. Наконец, полная форма Риддла стала ясной, и призрачное существо повернулось к нему лицом. На мгновение оно выглядело сбитым с толку, прежде чем пришло узнавание.

— Итак, Поттер, — прошипело оно. — Ты наконец набрался смелости, чтобы встретиться со мной лицом к лицу? Голос был чистой злобой, его тон был язвительным.

Гарри был поражен. Как оно узнало его имя? С какой магией он имел дело?

— Где грязнокровка? Риддл продолжил. — Вы ради нее повсюду порочите доброе имя чистокровных, и у вас не хватает приличия привести ее ко мне? Возможно, я должен поблагодарить вас. Я бы не хотел, чтобы меня заразила такая грязь». Его взгляд наконец остановился на Роне и Гермионе в углу. — Я вижу, у вас есть товарищи, но грязнокровки Эванса среди них нет. Ты так быстро от нее устал? Это еще одна из ее рода до меня? Тон был искоса, но теперь Гарри понял. Этот Риддл думал, что он его отец.

— Грязнокровки заводят тебя, Поттер? — продолжал Риддл. 'Они задыхаются для вас? Поэтому ты пачкаешь себя ими? Этот здесь умоляет тебя в течке?

— Не вмешивай ее в это, — сказал Гарри, и в его тоне закрался гнев. — Это между мной и тобой, Том.

— О, это не так, — ответил Риддл. — Нам не нужно было быть врагами, Поттер, но из-за твоей страсти к Эвансу. Я не вынесу, чтобы ты опустился ради нее. И, казалось бы, вы нашли другого, с кем рутинировать. Я с большим удовольствием убью ее после того, как разберусь с тобой. Я даже могу сообразовывать взять ее с собой, прежде чем она умрет, чтобы посмотреть, что в них такого, что вам так нравится.

Гарри изо всех сил старался не смотреть на Гермиону в этот момент. Он хотел, чтобы она сбежала, но знал, что она этого не сделает.

— Вы не тронете ее, — сказал он голосом, в котором звучали сила и ярость. Неосязаемая аура, казалось, окружала его теперь, когда его гнев рос. — Ты не тронешь ее, потому что ты ее недостойн. Ни один мужчина не достоин ее. Я собираюсь уничтожить тебя, Том, но прежде чем я это сделаю, я хотел бы разъяснить тебе небольшое недопонимание, которого мы, похоже, достигли. Я не Джеймс Поттер.

Риддл вздрогнул от удивления, прежде чем восстановить самообладание. — Так кто же ты тогда?

«Я его сын. Сын Джеймса Поттера и Лили Эванс, и я уничтожу тебя, как ты уничтожил их.

— Я убил ваших родителей, не так ли? — спросил Риддл. 'Хороший. Вскоре вы присоединитесь к ним. Твои родители были могущественны, но никто не может сравниться со мной. Их смерть тому доказательство. Что, по-твоему, у тебя есть такого, чего им не хватало, сын Поттера?

— Это, — сказал Гарри, наконец обнажая меч. Впервые сущность Риддла показала страх на

своих чертах. Через мгновение он, казалось, пришел в себя, и на его лице отразилось выражение чистого отвращения. — Дамблдор дал тебе это, — прошепел он, прежде чем внезапно броситься на Гарри.

Но Гарри был слишком быстр для этого. Со скоростью, которая застала всех врасплох, он шагнул вперед и вонзил меч в сердце открытого медальона. Риддл, который тянулся к нему, внезапно издал громкий, пронзительный крик, настолько громкий, что Гарри чуть не свалился на землю. Гарри крепко сжал меч, удерживая его на месте, и смотрел на существо, корчившееся в последней агонии. Он засох, крича, изо всех сил борясь с неизбежным. Наконец, с последним душераздирающим воем, он бесследно исчез.

Гарри наконец отпустил меч, по его лицу струился пот. Медальон превратился в тлеющие руины на столе. Он повернулся лицом к своим друзьям, но прежде, чем успел, он был поглощен яростными объятиями Гермионы, по лицу которой текли слезы. Рон посмотрел на него с выражением благоговения, прежде чем, наконец, улыбнулся и вырвал их из этого момента.

— Трое вниз, — сказал он. «Я не знаю, из-за чего весь этот шум, Гарри, это проще, чем я думал», — добавил он с улыбкой. Только его глаза выдавали то, что он действительно чувствовал.

Несколько часов спустя Гермиона и Рон вместе сидели у окна, оба в молчаливом созерцании. Гарри спал наверху — столкновение с духом Риддлом казалось на его ресурсах. Гермиона изо всех сил пыталась смириться с тем, что сделал Гарри. С одной стороны, она злилась на него за то, что он действовал так поспешно и без подготовки открыл медальон. С другой стороны, она была несколько в восторге от того, как он справился с ситуацией. Она всегда считала его великим волшебником, но сегодня днем он решительно продемонстрировал, насколько он силен.

И это было то, что действительно беспокоило ее, поняла она. Гарри взял на себя полную власть над всей ситуацией, как будто был рожден для этого. Когда он попросил их отойти в угол, его тон, хотя и вежливый, содержал властность, не терпящую никаких возражений. Когда он столкнулся с духом Риддлом, его окружала почти видимая аура — сила, казалось, исходила из его существа. Она должна была признать, что это ее немного пугало, если быть честной с самой собой. Она также не упустила из виду, что Гарри, казалось, действительно вошел в свою стихию только тогда, когда Риддл угрожал ей. Она все еще помнила его слова; ты недостойн ее. Ни один мужчина не достоин ее. Она никогда раньше не осознавала, насколько сильно Гарри относился к ней, но она также горячо надеялась, что он не включил себя в это заявление. Он был так достоин ее; это она сейчас не чувствовала себя достойной его.

— Пенни за них, — сказал Рон, наконец нарушивший молчание.

Гермиона повернулась к подруге и улыбнулась; его идиотизм из прошлого теперь забыт. — Я просто беспокоюсь о Гарри, — ответила она. «Есть еще три хоркрукса, которые нужно уничтожить, прежде чем мы доберемся до Волан-де-Морта, и я обеспокоен тем, что ему каждый раз придется проходить через что-то подобное».

Рон кивнул. — Да, мне тоже это пришло в голову, но я думаю, что он справится. Я имею в виду, он был чертовски удивителен сегодня. Я никогда не знал, что в нем это есть.

Гермиона покачала головой. «Думаю, я всегда осознавал, на что он способен, но иногда он все еще меня удивляет. Я все время был в ужасе».

'Я тоже. Казалось, он воспринял это спокойно, хотя в какой-то момент он действительно разозлился. Ты заметил?'

Гермиона лишь кивнула. Конечно, она заметила! Однако она надеялась, что Рона нет.

— Я думал, что он совсем растеряется, когда Риддл начал тебе угрожать. Я не думаю, что старый Том осознавал, что открывает банку с червями, когда делал это. Это было сказано как ни в чем не бывало, но Гермиона уловила в тоне вопрос. И что-то еще. Развлечение.

— Да, похоже, это действительно разозлило Гарри. Он всегда очень защищал своих друзей.

«Верно, — ответил Рон, — но я думаю, что сегодня было кое-что еще».

'Ой?'

— Да, — ответил Рон. Он позволил наступившей тишине немного затянуться, прежде чем продолжить. — Ой, ну перестань, Гермиона, не валяй со мной дуру. Мы оба знаем, почему Гарри потерял тряпку, когда тебе угрожали. Пожалуйста, не оскорбляйте нас обоих, притворяясь иначе.

Гермиона попыталась сослаться на неведение, но выражение лица Рона изменило ее мнение. Вместо этого она решила, наконец, признаться.

— Как ты думаешь, я ему нравлюсь? она спросила.

Рон улыбнулся. «Кентавр гадит в лесу? Конечно, ты ему чертовски нравишься. Это очевидно. Честное слово, Гермиона; для кого-то настолько умного, вы можете быть настоящим болваном время от времени. Теперь вопрос действительно в том; он тебе нравится?'

Прежде чем ответить, Гермиона посмотрела себе под ноги. — Да, — ответила она тихим голосом.

— Что ж, пора бы кому-нибудь из вас что-нибудь с этим сделать, — ответил Рон. — Мерлин знает, я не эксперт, но я знаю, что ничего не произойдет, если один из вас не сделает шаг. И я также знаю, что Волан-де-Морт присоединится к SPEW до того, как Гарри решит что-то с этим сделать. Итак, мой совет вам таков; если он вам нравится, вам придется сказать ему об этом;

потому что иначе вы никогда не будете вместе. На этом урок окончен, — заключил Рон.

Гермиона посмотрела на подругу, внезапно почувствовав внутри себя облегчение. Она знала, что Рон был прав — она знала это все время. Ей просто необходимо было это услышать.

— Спасибо, Рон, — сказала она.

Рон лишь пожал плечами. 'Для чего друзья?' он спросил. «Кроме того, вы двое начинаете меня раздражать», — добавил он, прежде чем быстро встать и отправиться на кухню.

Гермиона притворно нахмурилась, когда он отступил, прежде чем повернуться и посмотреть в окно. Ее лицо расплылось в широкой ухмылке. Гарри действительно любит меня.

<http://tl.rulate.ru/book/80408/2444017>